

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

<Январь 1860 года>

Милостивый государь!

На чужой стороне в далекой Англии вы по собственным словам вашим возвысили голос за русский народ, угнетаемый царскою властью; вы показали России, что такое свободное слово!... и зато, вы это уже знаете, всё, что есть живого и честного в России, с радостью, с восторгом встретило начало вашего предприятия, и все ждали, что вы станете обличителем царского гнета, что вы раскроете перед Россией источник ее вековых бедствий, — это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия. И что же? Вместо грозных обличений неправды с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II², его супруге (столь пекущемся о любезном вам православии с отцом Бажановым). Вы взяли на себя великую роль, и потому каждое ваше слово должно быть глубоко взвешено и рассчитано, каждая строка в вашей газете должна * быть делом расчета, а не увлечения: увлечение в деле политики бывает иногда хуже преступления... Помните ли, когда-то вы сказали, что России при ее пробуждении может предстать опасность, если либералы и народ не поймут друг друга, разойдутся, и что из этого может выйти страшное бедствие — новое торжество царской власти. Может быть, это пробуждение недалеко; царские шпицрутены, щедро раздаваемые верноподданным за развитие царских кабаков³, разбудят Россию скорее, чем шопот нашей литературы о народных бедствиях, скорее мерных ударов вашего «Колокола»... Но чем ближе пробуждение, тем сильнее грозит опасность, о которой вы говорили... и об отвращении которой вы не думаете... По всему видно, что о России настоящей вы имеете ложное понятие. Помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства. Но не все же в России обманываются призраками... Дело вот в чем: к концу царствования Николая все люди, искренно и глубоко любящие Россию, пришли к убеждению, что только силою можно вырвать у царской власти человеческие права для народа, что только те права прочны, которые завоеваны, и что то, что дается, то легко и отнимается. Николай умер, все обрадовались, и энер-

* В «Колоколе» опечатка: должны. — Ред.

гические мысли заменились сладостными надеждами, и поэтому теперь становится жаль Николая. Да я всегда думал, что он скорее довел бы дело до конца; машина давно бы лопнула. Но Николай сам это понимал и при помощи Мандта предупредил неизбежную и грозную катастрофу⁴. Война шла дурно, удар за ударом, поражение за поражением — глухой ропот поднимался из-под земли! Вы писали в первой * «Полярной Звезде», что народ в эту войну шел вместе с царем, и потому царь будет зависеть от народа⁵. Из этих слов видно только, что вы в вашем прекрасном далеке забыли, что такое русские газеты, и на слово поверили их возгласам о народном одушевлении за отечество. Правда, иногда случалось, что крепостные охотно шли в ополчение, не только потому, что они надеялись за это получить свободу. Но чтоб русский народ в эту войну заодно шел с царем, — нет. Я жил во время войны в глухой провинции, жил и таскался среди народа⁶, и смело скажу вам вот что: когда англо-французы высадились в Крым, то народ ждал от них освобождения, крепостные от помещичьей неволи, раскольники ждали от них свободы вероисповедания. Подумайте об этом расположении умов народа в конце царствования Николая, а вместе с тем о раздражении людей образованных, нагло на каждом шагу оскорбляемых николаевским деспотизмом, и мысль, что незабвенный мог бы не так спокойно кончить жизнь, не покажется вам мечтою. Да, как говорит какой-то поэт, счастье было так близко, так возможно⁷. Тогда люди прогресса из так называемых образованных сословий не разошлись бы с народом; а теперь это возможно и вот почему: с начала царствования Александра II немного распустили ошейник, туго натянутый Николаем, и мы чуть-чуть не подумали, что мы уже свободны, а после издания рескриптов все очутились в чад, как будто дело было конечно, крестьяне свободны и с землей; все заговорили об умеренности, об мирном ** прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою. Поднялся такой чад от либеральных курений Александру II, что ничего нельзя было разглядеть, но, опустившись к земле (что делают крестьяне во время топки в курных избах), можно еще было не отчаиваться. Вслушиваясь в крестьянские толки, можно было с радостью видеть, что народ не увлекут *** 12 лет рабства под гнетом переходного состояния, и что мысль, наделят ли крестьян землею, у народа была на первом плане. А либералы? Профессора, литераторы пустили тотчас же в ход эстляндские, прусские и всякие положения, которые отнимали у крестьян землю⁸. Догадливы наши либералы! Да и теперь большая часть из них еще не разрешила себе вопроса насчет крестьянской земли. А в правительстве в каком положении в настоящее время крестьянский вопрос? В большей части губернских комитетов положили страшные цены за земли; центральный комитет делает чорт знает что: сегодня решает отпустить с землею, завтра без земли, даже, кажется, не совсем брошена мысль о переходном состоянии⁹. Среди этих бесполезных толков желания крестьян растут; при появлении рескриптов можно было еще спокойно взять за землю дорогую цену, крестьяне охотно бы заплатили, лишь бы избавиться от переходного состояния; теперь они спохватились уже, что нечего платить за вещь 50 целковых, которая стоит семь¹⁰. Вместе с этим растут и заблуждения либералов; они все еще надеются мирного и безобидного для крестьян решения вопроса. Одним словом крестьяне и либералы идут в разные стороны. Крестьяне, которых помещики тиранят теперь с каким-то особенным ожесточением, готовы с отчаяния взяться за топоры, а либералы проповедуют в эту пору умеренность, исторический постепенный прогресс и кто их знает что еще. Что из этого выйдет? Выйдет ли из этого, в случае, если народ без руководителей возьмется за топор, путаница, в которой царь, как в мутной воде, половит рыбки, или выйдет что-нибудь и

* То есть в первом номере «Полярной звезды». — *Ред.*

** В «Колоколе» напечатано: «обширном». — *Ред.*

*** В «Колоколе» напечатано: «не увлечет». — *Ред.*

хорошее, но вместе с Собакевичами и Ноздревыми погибнет и наше всякое либеральное поколение, не сумевши пристать к народному движению и руководить им? Если выйдет первое, то ужасно; если второе, то, разумеется, жалеть нечего. Что жалеть об этих франтах в желтых перчатках, толкующих о демокрасии в Америке¹¹ и не знающих, что делать дома, об этих франтах, проникнутых презрением к народу, уверенных, что из русского народа ничего не выдет, хотя в сущности не выдет из них-то ничего... Но об этих господах толковать нечего, есть другого сорта люди, которые желают действительно народу добра, но не видят перед собою пропасти и с пылками надеждами, увлеченные в общий водоворот умеренности, ждут всего от правительствия и дождутся, когда их Александр засадит в крепость за пылкие надежды, если они будут жаловаться, что последние не исполнились, или народ подведет <их> под один уровень с своими притеснителями. Что же сделано вами для отращения этой грядущей беды? Вы, смущенные голосами либералов-бар, вы после первых номеров «Колокола» переменили тон. Вы заговорили благосклонно об августейшей фамилии; об августейших путешественниках говорили уже иначе, чем об августейшей путешественнице. Зато с особенною яростью напали на Орловых, Паниных, Закревских. В них беда, они мешают Александру III Бедный Александр III! Мне жаль его; видите, его принуждают так окружать себя — бедное дитя, мне жаль его! Он желает России добра, но злодеи окружающие мешают ему!¹² И вот вы, вы, автор «С того берега» и «Писем из Италии», поете ту же песню, которая сотни лет губит Россию. Вы не должны ни минуты забывать, что он — самодержавный дарь, что от его воли зависит прогнать всех этих господ, как он прогнал Клейнмихеля. Но Клейнмихеля нужно было еще прогнать по известному правилу Маккиавели — в новое царствование жертвовать народной ненавистью любимым министром прежнего царствования, и вот Клейнмихель очутился козлом очищения за царствование Николая. Согласитесь, ведь жертва ничтожна? Но как бы то ни было, либералы восторгались и этим фактом, забыв, что Николай также прогнал Аракчеева; что же из этого? Неужели на эту удочку всегда будут поддаваться? Или, может быть, вы серьезно убеждены, что Александр слушается вашего «Колокола»? Полноте... Сколько раз вы кричали: «дойлой Закревского, долой старого холопа!», а старый холоп все правил Москвой, пока собственная дочь не уходила его¹³. Да разве Москва за свою глупую любовь к царям стоит лучшего губернатора? Будет с нее и такого... Говорят даже, Александр II нарочно его держал губернатором, чтобы не показать, что он слушает «Колокола». Это может быть. И это нисколько не противоречит слуху, что вы переписываетесь с императрицей*. Что же, она может вас уверять, что муж ее желает России счастья и даже свободы, но что теперь рано. Так обольстил по рассказу Мицкевича Николай I Пушкина¹⁴. Помните ли этот рассказ, когда Николай призвал к себе Пушкина и сказал ему: «Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал; но, верь мне, я так же люблю Россию, я — не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться». И 30 лет укреплял он русский народ. Может быть, это анекдот — и выдумка, но он — в дарском духе, то есть брать обольщением, обманом там, где неловко употребить силу. Но как бы то ни было, сближение с двором погубило Пушкина... Как ни чисты ваши побуждения, но, я уверен, придет время, вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому. Посмотрите, Александр II скоро покажет николаевские зубы. Не увлекайтесь толками о нашем прогрессе, мы все еще стоим на одном месте; во время великого крестьянского вопроса нам дали на потеху, для развлечения нашего внимания безыменную гласность; но чуть дело коснется дела, тут и прихлопнут. Так и теперь господин Галилеянин запретил писать о духовенстве и об откупах¹⁵. Нет, не обманывайтесь надеждами

* Примечание А. И. Герцена: «Неужели речь идет о моем письме к императрице Марии Александровне о воспитании наследника?»

и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы. Надежда в деле политики — золотая цепь, которую легко обратить в кандалы подающей ее. В то время, как вы так снисходительны стали к августейшему дому, само православие в лице умнейших своих представителей желало бы отделаться от союза с ним. Да, в духовенстве являются люди, которые прямо говорят, что правительство своею опекою убьет православие, но, к счастью, ни Григорий, ни Филарет не понимают этого! Так пусть они вместе гибнут, но вам какое дело до этих догнивающих трупов? Притом Галилеянин продолжает так ревновать о вере, что раскольники толпами бегут в Австрию и Турцию, даже вешают у себя на стенах портреты Франца-Иосифа вместо Александра II. Вот подарок славянофилам! Что, если Франц-Иосиф вздумает дать австрийским славянам свободную конституцию? Ведь роли между Голштинцами¹⁶ и Габсбургами переменятся. Вот была бы потеха. Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, высказывали¹⁷, и оно удивительно верно, — другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молбну, а звонит набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать.

С глубоким к вам уважением

Русский человек.

Я просил бы напечатать вас это письмо, и если вы печатаете письма врагов ваших, то отчего же бы не напечатать письмо одного из друзей ваших?

II

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ КРАСОТЫ

Коллекция третья

Красоты, собранные из собственной фантазии автора

I

Когда скандинавский витязь не имел возможности сражаться с неприятелем, он обращал избыток своей воинственной ярости на самого себя и рубил своим мечом собственное тело. — Я превращался в Юдифь, в Ригольбош; теперь приходит мне [пора] обратиться в Берсеркера¹, который в иступлении колет сам себя.

Или такое превращение слишком почетно для бездушного шарлатана? — Пожалуй, можно заменить его другим. Гнусный скорпион, в бессильном озлоблении, вонзает отвратительное свое жало в собственную грудь, когда не может уязвить тех, кого хотелось бы ему убить своим ядом. — Почему ж не употребить и этого сравнения?

Чужие насмешки я всегда выдерживал с презрительной улыбкой, чужие упреки с холодным спокойствием совести. Хочется мне испытать, каково-то я выдержу собственные насмешки и укоризны.

II

Один довольно важный чиновник, возвратившись домой после неудачного доклада начальнику, с негодованием воскликнул: «Мои мнения отвергаются, мои советы презираются! Я не знаю, из-за чего служу». — «Высшие чины и другие награды получите на службе, ваше высокоблагородие», — почтительно заметил прислужник чиновника. — «Ну, вот только разве из-за этого», — успокаиваясь сказал его покровитель.

(На этом рукопись обрывается.)